

0+

Шаришские сказки II

Иозеф Шурковски

Йозеф Шурковски
Шаришские сказки. Том II

«Издательские решения»

Шурковски Й.

Шаришские сказки. Том II / Й. Шурковски — «Издательские решения»,

Во втором томе «Шаришских сказок» оживают новые легенды старого Шариша, где горы, реки, древние дороги, деревья, колокола и птицы хранят память о добре, правде и человеческом сердце. Каждая сказка соединяет богатую историю края с миром волшебства, ненавязчиво напоминая детям и взрослым о сострадании, смирении, честности, мужестве и надежде. Это книга о том, что самые великие чудеса рождаются там, где человек учится любить, слушать и помогать другим.

Содержание

Серебряный пастух с Лысой горы	6
Тайна колокольни в Раславицах	13
О медном петухе из Сабинова	20
Последний дракон из-под Чергова	28
Девушка из туманов над Бусовом	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Шаришские сказки Том II

Йозеф Шурковски

© Йозеф Шурковски, 2026

ISBN 978-5-0070-9128-2 (т. 2)

ISBN 978-5-0070-8970-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Серебряный пастух с Лысой горы

Давным-давно, очень давно, когда над шаришскими долинами каждое утро стелились туманы, а по горным лугам разносился звон овечьих колокольчиков, у подножия Лысой горы лежало небольшое поселение под названием Кривая Долина. Оно не было большим, не имело каменных дворцов и просторной рыночной площади, зато имело зелёные пастбища, чистые леса, старые овчарни и людей, которые знали тяжёлый труд от рассвета до заката.

Над поселением возвышалась Лысая гора. Её название звучало просто, но сама гора вовсе не была пустой. На нижних склонах росли буки, пихты и орешник. Выше лес редел, открывая луга, на которых летом паслись овцы. А на самой вершине, где ветер никогда полностью не стихал, раскинулось широкое горное плато. Старые пастухи говорили, что именно там по ночам земля касается неба.

О Лысой горе рассказывали удивительные истории.

Самой известной была история о Серебряном пастухе.

Говорили, что он появлялся только в тумане или в лунные ночи. На нём был длинный плащ, сиявший, словно снег под звёздами, в руке он держал пастуший посох, а вокруг него шагало стадо серебряных овец. У этих овец не было шерсти, как у обычных овец. Их руно блестело так, словно в него кто-то влил лунный свет. Когда они двигались, их колокольчики звенели так тихо и нежно, что человек не мог понять, слышит ли он музыку или собственное воспоминание.

Одни говорили, что Серебряный пастух — дух старого чабана, который когда-то спас целое стадо во время суровой зимы.

Другие утверждали, что он — хранитель горных лугов.

А самые старые говорили:

— Он не дух человека. Он — голос гор. Он появляется тогда, когда люди забывают, что землю нельзя только брать.

В Кривой Долине жил мальчик по имени Матей. Ему было двенадцать лет, у него были ясные глаза, быстрые ноги и голова, полная планов. Его отец был пастухом, а дед когда-то был знаменитым чабаном. С самого детства Матей любил овец, овчарни, горные тропы и запах дыма из колибы. Он умел различать овец по голосу, мог починить простой ремешок на колокольчике и подзывал собаку коротким свистом сквозь пальцы.

Но у него был один недостаток.

Он всегда хотел иметь больше всех.

Если у кого-то было десять овец, Матей мечтал о двадцати. Если кто-то говорил о хорошей овчарне, Матей хотел иметь самую большую. Когда старый чабан Грегор говорил, что настоящий пастух знает меру, Матей смеялся.

— Чем больше овец, тем лучше пастух, — говорил он.

Чабан Грегор только покачал головой.

— Нет, мальчик. Чем больше овец, тем больше ответственность.

— Но большое стадо — это богатство.

— Большое стадо на маленьком лугу — это голодная земля.

Матей этого не понимал. Земля ведь была большой. Трава росла каждую весну. Лес стоял, горы стояли, ручьи текли. Почему бы человеку не взять больше, если он может?

Однажды летом в поселении всё стало меняться. Сначала это заметили пчеловоды. Цветов на верхних лугах стало меньше, чем прежде. Потом это заметили травницы. Чабрец, арника и зверобой исчезли с мест, где росли долгие годы. Затем пастухи увидели, что трава на лучших пастбищах стала низкой, слабой и редкой.

— Луга устали, — сказал чабан Грегор.

Некоторые хозяева только рассмеялись.

— Луг — не человек. Он не может устать.

Грегор нахмурился.

— Всё живое может устать, если не дать ему отдохнуть.

Но у людей стало больше овец, чем раньше. Каждый хотел иметь большее стадо, больше сыра, больше шерсти, больше денег на рынке в Сабинове. На горные луга овец выгоняли ранней весной и оставляли там до поздней осени. Молодые деревца стада объедали ещё до того, как они успевали вырасти. Родники возле овчарен замутились от грязи. Старые тропинки превратились в широкие полосы голой земли.

И тогда начали исчезать овцы.

Сначала одна у хозяина Павла. Потом три у пастуха Яна. Затем пять из большого стада богатого Ондreja, который хвастался, что у него овец больше, чем у кого-либо во всей долине.

Не было следов волков.

Не было крови.

Не было сломанных загонов.

Овцы просто исчезли.

По деревне распространился страх. Староста созвал совет. Мужчины говорили о ворах, волках, медведях и разбойниках. Но чабан Грегор долго молчал. Наконец он сказал:

— Это не волки. И не воры.

— А кто же тогда? — спросил староста.

Грегор посмотрел на Лысую гору.

— Серебряный пастух увёл стадо в туман.

На деревенской площади воцарилась тишина.

У Матея загорелись глаза. Вместо страха он почувствовал волнение. Если бы он нашёл Серебряного пастуха и вернул овец обратно, все стали бы им восхищаться. Может быть, тогда наконец признали бы, что он готов стать чабаном.

Ночью он собрал сумку. Взял хлеб, сыр, ножик, шерстяной плащ и старую свирель. Его пёс Брчко — маленький, лохматый и умный — сразу встал у двери.

— Ты идёшь со мной, — прошептал Матей.

На рассвете они отправились на Лысую гору.

Сначала всё было хорошо. Солнце пробивалось сквозь ветви, и птицы пели. Матей нашёл следы овец, ведущие выше. Но затем следы внезапно исчезли там, где начинался туман. Это был не обычный туман. Он был густой, белый и тихий. Когда Матей вошёл в него, звуки леса исчезли. Он не слышал ни птиц, ни ветра, ни собственных шагов. Только где-то вдали раздавался тихий звон.

Динь.

Динь.

Динь.

Брчко тихонько заскулил.

Матей пошёл на звук. Туман расступился, и перед ним появилась фигура.

Это был Серебряный пастух.

Он выглядел высоким и старым, но не слабым. Его лицо было спокойнее, чем гладь горного озера, глаза — серыми, как утренний туман, а плащ сиял мягким светом. В руке он держал посох, на котором были вырезаны листья, звёзды, овцы, деревья и маленькие родники.

Позади него паслось стадо серебряных овец.

И среди них Матей увидел обычных деревенских овец.

— Это вы забрали наше стадо! — воскликнул он.

Серебряный пастух посмотрел на него без гнева.

— Я не забрал его. Я его спрятал.

— Это одно и то же.

— Нет. Кто берёт для себя — тот вор. Кто прячет от беды — тот хранитель.

Матей нахмурился.

— Нашим овцам ничего не угрожало.

Пастух поднял посох. Туман расступился и показал картину. Матей увидел знакомый горный луг. Издалека он был зелёным. Но вблизи оказался вытоптаным, с обнажёнными корнями, объединёнными цветами и сухой почвой. Он увидел родник, который когда-то бил чистой водой, а теперь был мутным и затоптаным. Он увидел молодые деревца, от которых остались лишь объединённые пенки.

— Не овцы были в опасности, — сказал пастух. — Луга были.

Матей молчал.

— Но ведь овцы должны есть.

— Да. Но если они съедят всё сегодня, что они будут есть завтра?

Мальчик не знал, что ответить.

Серебряный пастух отвёл его на скрытый горный луг. Он был прекрасен. Трава там росла высокой, цветы благоухали, а между камнями сверкали крошечные капли росы. Это был не луг для людей на каждый день. Это был луг отдыха — место, где горы берегли свои последние силы.

— Здесь овцы в безопасности, — сказал пастух. — Но они не могут оставаться здесь вечно. И люди не могут навсегда остаться без своих стад. Они должны научиться знать меру.

— Как я могу их этому научить? — спросил Матей. — Я всего лишь мальчик.

Пастух улыбнулся.

— Именно дети порой говорят правду, которую взрослые не хотят слышать. Но сначала ты сам должен научиться.

Так началось путешествие Матея по Лысой горе.

В первый день Серебряный пастух отвёл его в Долину выеденной травы. Там почти ничего не росло. Земля была твёрдой и растрескавшейся. На краю долины сидело маленькое существо. Ростом оно было с ребёнка, на нём было платье из корней, а волосы состояли из высохших стеблей. Её звали Травинка, хранительница горных лугов.

— Посмотри на меня, — сказала она Матею.

Когда он посмотрел на неё, то увидел, что её руки были тонкими и усталыми.

— Каждый год я даю траву, — сказала она. — Но мне нужно время, чтобы восстановить её. Люди косят всё раньше, пасут всё дольше и оставляют мне всё меньше семян.

— Что мне делать?

— Посей обратно то, что было взято.

Она протянула ему полотняный мешочек, полный мелких семян. Матей думал, что это будет легко. Рассыпать семена умеет каждый. Но Травинка показала ему, что семена нельзя разбрасывать где попало. Одним нужно солнце, другим — тень. Одним нужна влажная почва, другим — более сухой склон. Весь день он ходил по долине, становился на колени, искал подходящие места и присыпал семена землёй.

К вечеру у него болели колени.

— Первый урок, — сказал Серебряный пастух. — Тот, кто хочет брать у луга, должен уметь и сеять.

На второй день он отвёл его к роднику под скалой. Когда-то тот был чистым, но теперь оказался вытоптаным, заболоченным и почти засорённым. У родника сидел каменный гном Капелька. У него была борода из мха и нос, испачканный землёй.

— Пастухи позволили овцам ходить прямо в родник, — ворчал он. — А потом удивляются, что вода на вкус как грязь.

Матей сразу принялся за работу. Он убрал грязь, вытащил ветки, уложил камни вокруг выхода воды и сделал небольшой желоб, чтобы овцы пили ниже, а не прямо у родника. На это ушёл весь день. Брчко помогал хотя бы тем, что отгонял любопытных овец.

Когда вода снова забила чистой струёй, Капелька довольно фыркнул.

— Второй урок, — сказал Серебряный пастух. — Кто хочет, чтобы земля его кормила, должен беречь её источники.

На третий день они пришли к молодому леску. Маленькие деревца там были объедены и вытоптаны. Среди них стояла высокая женщина в зелёном плаще. Это была Буковая мать, защитница молодых деревьев.

— Люди говорят, что лес был здесь всегда, — сказала она. — Но каждое старое дерево когда-то было слабым ростком. Если вы не дадите молодым вырасти, однажды не будет ни тени, ни древесины, ни птичьего пения.

Матей получил задание построить простую ограду вокруг самых молодых деревьев. Он должен был собирать упавшие ветви, а не рубить живые. Он должен был связывать прутья так, чтобы ограда выдерживала ветер, но не мешала росту. Он понял, что защита молодых созданий — это труд, который не приносит быстрой славы. Дерево, которое он защитил, станет большим лишь через много лет.

— А я, возможно, даже не увижу его большим, — сказал он.

— Именно поэтому это доброе дело, — ответила Буковая мать. — Не всё хорошее мы делаем для собственных глаз.

На четвёртый день Матей встретился со своей собственной гордыней.

Серебряный пастух привёл его на хребет, где стояла самая красивая серебряная овца. Её шерсть сияла так ярко, что на ярмарке за неё отдали бы целое состояние. Пастух сказал:

— Ты можешь взять одно серебряное руно. Если принесёшь его в деревню, все тебе поверят.

Матей захотел его. Он представил, как люди восхищаются сияющей шерстью, как староста его хвалит, как чабан Грегор признаёт, что он особенный. Он протянул руку.

Овца посмотрела на него спокойными глазами.

Тогда он заметил, что там, где он состриг бы руно, животное лишилось бы защиты от холода. Серебряные овцы были не сокровищем. Они были живыми существами.

Матей убрал руку.

— Я не хочу доказательства, которое причинит вред.

Серебряный пастух кивнул.

— Четвёртый урок. Правда, которой нужен вред, — это не правда, а гордыня.

На пятый день в горах появились чужаки. Это были не пастухи из Кривой Долины. Пришли четверо мужчин с большими мешками, сетями и ножами. Они слышали предание о серебряных овцах и верили, что их шерсть принесёт им богатство.

Матей заметил их у края тумана.

— Они хотят их поймать! — воскликнул он.

— Да, — сказал пастух.

— Мы должны их остановить.

— Как?

— Прогоним их!

— Силой?

Матей замер. Ещё несколько дней назад он сказал бы это, не раздумывая. Теперь он знал, что горы учат его иначе.

Серебряный пастух протянул ему маленький серебряный колокольчик.

— Этот колокольчик зовёт не овец. Он зовёт совесть.

Матей позвонил.

Звук разлился по туману. Чужаки остановились. Перед каждым из них возникло видение. Один увидел свою дочь, которая спрашивала его, почему он причинил боль животному ради денег. Второй увидел самого себя старым, богатым, но одиноким. Третий увидел безжизненный луг. Четвёртый увидел свои руки, полные серебра, которое превращалось в пепел.

Мужчины побледнели. Сеть выпала у них из рук.

Самый старший из них сказал:

— Мы пришли не с добром.

Они ушли и больше не возвращались.

Матей посмотрел на пастуха.

— Мы никого не ранили.

— И всё же кое-что изменилось, — сказал Серебряный пастух. — Пятый урок: лучшая победа — та, после которой может измениться и тот, кто пришёл с дурными намерениями.

На шестой день настало время возвращаться. Серебряный пастух собрал обычных овец из Кривой Долины. Они были здоровы, спокойны и сыты. Матей чувствовал радость, но и тревогу.

— Люди мне не поверят.

Пастух протянул ему обычный деревянный пастуший колышек. Он не был серебряным. Он был простым, но на его поверхности были вырезаны маленькие знаки: трава, родник, деревце, овца и раскрытая ладонь.

— Это не доказательство чуда, — сказал он. — Это напоминание о правилах. Если деревня примет их, луга восстановятся. Если нет, туман вернётся.

— Какие правила?

— Не пасти всё время на одном и том же месте. Давать лугам время на семена. Беречь родники. Огораживать молодые деревца. Не держать больше овец, чем может прокормить земля. И учить детей, что хороший пастух считает не только стадо, но и траву под его ногами.

Когда Матей вернулся в деревню с пропавшими овцами, поднялся большой переполох. Люди радовались, обнимали его и называли героем. Но Матей поднял руку.

— Я не герой. Овцы пропали не из-за моей храбрости. Они пропали из-за нашей неумеренности.

Некоторые обиделись.

Богатый Ондрей, у которого было самое большое стадо, нахмурился.

— Мальчишка будет нас поучать?

Матей боялся, но рассказал обо всём: о Травинке, Капельке, Буковой матери, серебряных овцах, колокольчике совести и правилах. Некоторые смеялись. Тогда он достал пастуший колышек. Когда он воткнул его в землю, трава вокруг на мгновение озарилась ярким зелёным светом, и все услышали тихий звон, хотя поблизости не было ни одной овцы.

Чабан Грегор вышел вперёд.

— Я ему верю.

Старая травница Гана кивнула.

— И я. Луга уже давно кричали. Просто мы были слишком шумными.

Староста решил, что правила испытают в течение одного года. Это было нелегко. Некоторым хозяевам пришлось уменьшить количество овец. Другим — чередоваться на пастбищах. Дети вместе со взрослыми ходили чистить родники и строить маленькие ограды вокруг деревьев. Травницы учили, какие растения можно собирать, а каким нужно дать созреть.

Больше всех сердился богатый Ондрей. Он утверждал, что меньшее стадо означает меньшую прибыль. Но осенью он обнаружил, что овцы на более здоровых лугах дают лучшее молоко. Сыр был вкуснее, животные меньше болели, а луга начали восстанавливаться. Тогда он впервые признал, что меньше иногда может означать больше.

Через год Кривая Долина изменилась. Луга снова зацвели. Вернулись пчёлы. Родники стали чище. Молодые деревца подросли. Пастухи научились водить стада так, чтобы земля могла дышать.

А Матей?

Он стал учеником чабана Грегора. Теперь он уже не хотел иметь самое большое стадо. Он хотел иметь самое здоровое. Он учился считать не только овец, но и дни отдыха для луга. Когда кто-то говорил ему, что хороший чабан — тот, у кого больше всего сыра, он отвечал:

— Хороший чабан — тот, после которого будет где пасти и его внуку.

Шли годы. Матей вырос и стал чабаном. Люди приходили к нему за советом. Он ввёл обычай: весной, перед первым выходом на горные луга, каждый пастух клал на землю кусок хлеба в знак благодарности земле. Это была не жертва ради колдовства. Это было напоминание о смирении.

Когда дети спрашивали о Серебряном пастухе, Матей водил их на склоны Лысой горы. Он показывал им траву, родники, деревья и овец.

— Здесь вы скорее всего его увидите, — говорил он.

— Где? — спрашивали они.

— Не глазами. Сначала — по тому, как вы себя ведёте.

И говорят, действительно, когда какой-нибудь ребёнок учился отпускать ягнёнка к матери раньше, чем ему хотелось с ним поиграть, когда убирал грязь из родника, когда не ломал молодое деревце, вдали раздавался тихий звон. Может быть, это был обычный колокольчик. Может быть, ветер. Но старые пастухи всегда улыбались.

Одной поздней осенью, когда Матей уже состарился и волосы его стали белыми, как шерсть, он поднялся на Лысую гору. Туман был густым и тихим. Вдруг он увидел перед собой знакомую фигуру в серебряном плаще.

— Вы вернулись, — сказал Матей.

Серебряный пастух улыбнулся.

— Я никогда не уходил совсем.

— Мы соблюдали правила?

— Не всегда, — ответил пастух. — Люди несовершенны. Но вы научились возвращаться к мере, когда от неё отходите. Это уже много.

Матей посмотрел на долину. Он увидел луга, леса, овец и детей, которые учились у своих родителей.

— Я боялся, что мы забудем.

— Поэтому нужно рассказывать, — сказал Серебряный пастух. — История подобна колокольчику. Если он зазвенит в нужный момент, стадо не заблудится.

Потом туман поднялся, и пастух исчез.

С тех пор на Лысой горе иногда появляется серебряный свет. Не для каждого. Не для тех, кто идёт в горы с гордыней или желанием брать. Но пастух, который осторожно ведёт стадо, ребёнок, который поднимает мусор у родника, или человек, который сажает дерево, не ожидая похвалы, иногда может услышать тихий звон.

А если он посмотрит на хребет, то, возможно, увидит Серебряного пастуха, идущего среди своих овец-звёзд.

Так закончилась сказка о Серебряном пастухе с Лысой горы, о Матее из Кривой Долины, о лугах, которым нужен отдых, о родниках, которые нужно беречь, и о том, что мудрый человек не берёт у земли больше, чем способен ей вернуть.

А поучение этой сказки шаришские дети повторяли ещё долго:

— Природу мы унаследовали не для того, чтобы её истратить. Мы бережём её для тех, кто придёт после нас.

Тайна колокольни в Раславицах

Давным-давно, очень давно, когда по шаришской земле ещё разносился стук конских копыт, когда по пыльным дорогам двигались купцы с повозками, пастухи со стадами и паломники с посохами, среди полей, лугов и пологих холмов лежали Раславицы — спокойное место, где люди знали друг друга по имени и где каждое утро начиналось с пения петуха, шелеста сена и звона колокола.

Этот колокол висел в старой колокольне.

Она не была высокой, как башня замка, не была богатой и украшенной золотом, но для жителей Раславиц она была важнее многих каменных дворцов. Она стояла возле церкви, на месте, откуда были видны поля, дорога к соседним деревням и тёмная полоса леса вдаль. Её деревянные балки были старыми, потемневшими от дождя и ветра, но всё ещё крепкими. Наверху была маленькая гонтовая крыша, а под ней висел колокол, который люди называли Добромил.

Говорили, что колокол Добромил отливали не обычные литейщики. По старинному преданию, в его металл добавили три особые вещи: кусок железа от честного плуга, серебряную монету, пожертвованную вдовой, и бронзовое кольцо старого учителя, который всю жизнь учил детей читать. Поэтому голос колокола звал не только в церковь. Он созывал людей друг к другу. Когда горел дом, он звонил тревожно. Когда приближалась буря, его голос звучал глубоко. Когда рождался ребёнок, он звонил радостно. А когда кто-то умирал, его звук становился мягким и печальным, словно даже металл умел плакать.

Старики говорили:

— Пока Добромил звучит чисто, Раславицы будут держаться вместе.

Дети удивлялись этому.

— Как колокол может удерживать деревню?

А старики отвечали:

— Так же, как голос матери удерживает детей за столом. Ты этого не видишь, но чувствуешь.

В Раславицах жила девочка по имени Мариенка. Ей было двенадцать лет, у неё были тёмные косы, живые глаза и необыкновенный слух. Она слышала то, на что другие не обращали внимания. По шагам она могла узнать, возвращается ли отец усталым или весёлым. По скрипу двери могла сказать, открыла её мама или младший брат. А больше всего она любила колокола.

Её дедушка Ондрей был звонарём. Каждое утро он поднимался по узкой лестнице в колокольню, клал руку на верёвку и сначала некоторое время молчал. Только потом звонил.

— Почему ты всегда ждёшь? — спрашивала Мариенка.

— Потому что колокол не должен начать звучать раньше, чем сердце, — отвечал дедушка.

— Но ведь достаточно просто потянуть.

Дедушка улыбался.

— Так думают те, кто слышит только металл. Колокол — это не котёл, по которому стучат ложкой. Колокол несёт весть. А тот, кто несёт весть, должен знать, что говорит.

Мариенка часто ему помогала. Она подметала пыль в колокольне, вытирала подоконник, приносила дедушке воду, а иногда ей разрешали осторожно взяться за верёвку, когда он звонил к вечерней службе. Она всегда чувствовала, как через её ладони проходит дрожь. Она была не сильной, но живой, словно у колокола было собственное сердце.

Но однажды осенью начали происходить странные вещи.

Сначала люди заметили, что колокол Добромил звучит немного иначе. Не фальшиво, не треснуто, а словно устало. Утренний звон уже не был таким чистым. Вечерний звук затихал раньше обычного. Дедушка Ондрей заметил это первым.

— Что-то легло ему на голос, — сказал он.

— Разве у колокола может что-то лечь на голос? — спросила Мариенка.

— У всего, что имеет голос, может что-то лечь на голос.

Через несколько дней в деревне поссорились два брата — Яно и Штефан. Они унаследовали от отца общее поле и никак не могли договориться, где должна проходить межа. Раньше они сели бы вместе со старостой и старейшинами, выслушали свидетелей и пришли бы к согласию. Теперь же они кричали так громко, что их было слышно даже у колокольни.

В тот вечер Добромил звонил тяжело.

Словно ему было стыдно.

Потом поссорились женщины у колодца. Одна обвинила другую в том, что та берёт больше воды, чем ей положено. Затем кузнец отказался починить мельнику железный обруч, потому что, по его словам, мельник когда-то неправильно отвесил ему муку. Дети перестали играть вместе и разделились в зависимости от того, чьи родители ссорились.

Раславицы, которые когда-то держались вместе, начали трещать, как сухое дерево.

А колокол звучал всё тише.

Однажды вечером, когда Мариенка поднялась вместе с дедушкой в колокольню, она увидела, что он стоит под колоколом с серьёзным лицом. В руке он держал фонарь и смотрел на металлический край.

— Он повреждён? — спросила она.

— Нет.

— Тогда почему он звучит иначе?

Дедушка Ондрей прикоснулся к колоколу.

— Потому что люди под ним перестали слушать друг друга.

Мариенка подумала, что это всего лишь печальная мудрость старика. Но вдруг она услышала сверху тонкий звук. Это был не звон и не ветер. Скорее вздох.

Она посмотрела на колокол.

— Дедушка... он заговорил?

Ондрей медленно повернулся к ней.

— Ты это услышала?

— Да.

Дедушка сел на ступеньку.

— Значит, пришло время.

— Какое время?

— Тайну колокольной передают не каждому. Только тому, кто слышит колокол даже тогда, когда он молчит.

Мариенка опустилась рядом с ним на колени.

— Какую тайну?

Дедушка открыл маленький деревянный ящик, спрятанный за балкой. В нём лежали старая синяя лента, три маленьких металлических кольца и кусок пергамента. На пергаменте было написано:

Когда голос колокола помутнеет, ищи причину не в металле, а в сердцах. У колокольной есть три ступени, которых не видно: ступень правды, ступень примирения и ступень общего блага. Тот, кто пройдёт по ним, найдёт Хранителя голоса.

— Хранителя голоса? — прошептала Мариенка.

Дедушка кивнул.

— Говорят, в каждом старом колоколе живёт хранитель. Не человек, не дух умершего, а существо из металла, воздуха и человеческих слов. Когда люди говорят правду и умеют слушать друг друга, хранитель становится сильнее. Когда они лгут, кричат и думают только о себе, хранитель слабеет.

— А что случится, если он ослабеет совсем?

Дедушка посмотрел в окно на темнеющую деревню.

— Колокол умолкнет. А когда в деревне умолкнет голос, созывающий людей к общему столу, каждый начнёт слышать только самого себя.

В ту ночь Мариенка не могла уснуть. Она лежала на лавке у печи и слушала, как снаружи ветер шевелит сухие листья. Вдруг она услышала далёкий тихий звон. Он был таким слабым, что никто другой не смог бы его услышать. Она вышла из дома и увидела, что в колокольные горит бледный свет.

Она не испугалась. Накинула платок, обула башмаки и тихо пошла к церкви.

Дверь колокольной была приоткрыта.

Она вошла внутрь. Ступени скрипели. Наверху, возле колокола, стояло маленькое существо. Ростом оно было примерно с шестилетнего ребёнка, но лицо у него было старым и серьёзным. Тело словно состояло из тонкой бронзы, волосы — из серебряных проволочек, а глаза были похожи на две тёмные капли расплавленного металла. На плечах у него лежал плащ из отголосков.

— Ты Мариенка, — сказала оно.

— А ты Хранитель голоса?

— Меня зовут Звонимир.

Его голос звучал не как обычная речь. В каждом слове слышался тихий отзвук.

— Почему Добромил слабеет? — спросила она.

Звонимир положил ладонь на колокол.

— Потому что в деревне исчезли три тона: правда, примирение и общее благо. Без них колоколу нечего нести.

— Как нам их вернуть?

— Ты должна найти их там, где они были потеряны.

— Где?

Хранитель подал ей три металлических кольца из шкатулки.

— Каждое кольцо зазвучит, когда соприкоснётся с правильным поступком. Первое приведёт тебя к правде. Второе — к примирению. Третье — к общему благу. Но будь осторожна, девочка. Недостаточно выяснить, кто прав. Нужно сделать так, чтобы люди смогли принять эту правду.

Утром Мариенка начала с первого кольца. Оно было холодным и тёмным. Когда она шла по деревенской площади, ничего не происходило. Когда она пришла к полю, из-за которого спорили братья Яно и Штефан, кольцо задрожало.

Братья стояли по разные стороны межи и кричали.

— Отец сказал мне, что эта часть принадлежит мне! — кричал Яно.

— Ложь! Отец сказал, что пограничный камень находится возле старой груши! — кричал Штефан.

Мариенка опустилась на колени в траву. Она слушала. Не братьев, а землю. Она заметила, что возле старой груши действительно лежал камень, но это был не межевой знак. Он был гладким и без отметины. Настоящий межевой камень мог находиться в другом месте. Кольцо в её ладони тихо звякнуло, когда она посмотрела на заросли колючего кустарника у края поля.

— Помогите мне раздвинуть кусты, — сказала она.

— Почему мы должны слушать девчонку? — проворчал Яно.

В этот момент подошёл дедушка Ондрей.

— Потому что иногда молчащий ребёнок слышит больше, чем кричащий взрослый.

Неохотно они раздвинули колючие ветви. Под ними нашли старый каменный межевой знак с символом их отца: вырезанным листом груши и двумя линиями. Оказалось, что граница проходила между тем местом, на которое указывал Яно, и тем, о котором говорил Штефан. У каждого была часть правды, но ни у одного — вся.

Первое кольцо зазвучало чистым тоном.

Мариенка сказала:

— Правда не всегда находится на одной стороне. Иногда она лежит под колючими ветвями, потому что никто не хотел её искать.

Братьям стало стыдно. Они не бросились сразу друг другу в объятия, но перестали кричать. Это было начало.

Второе кольцо привело её к старому колодцу, где спорили женщины. Там были Зузана и Марта, когда-то лучшие подруги. Теперь они стояли друг к другу спиной. Одна упрекала другую за воду, вторая — за обидные слова, другие женщины добавляли свои слова, и спор разрастался.

Кольцо дрожало, но не звучало.

Мариенка поняла, что дело было не только в том, кто взял больше воды. Она села на край колодца и начала расспрашивать.

— Когда вы перестали разговаривать?

Сначала женщины сердились. Потом постепенно выяснилось, что Зузана была обижена, потому что Марта не пришла на похороны её сестры. Марта расплакалась и призналась, что в тот день у неё заболел ребёнок, а позже ей было стыдно объяснить это. Годы дружбы помутнели из-за одной невысказанной печали.

Мариенка достала из шкатулки синюю ленту.

— Моя бабушка говорила, что, когда рвётся дружба, её нужно связывать не узлом гнева, а узлом правды.

Она подала один конец Зузане, а другой — Марте. Женщины некоторое время колебались. Потом каждая взялась за свой конец.

— Мне жаль, — сказала Марта.

— И мне, — прошептала Зузана.

Второе кольцо зазвучало. Не громко, но мягко и тепло.

В тот вечер Звонимир появился перед Мариенкой в колокольне.

— Ты нашла правду и примирение, — сказал он. — Но третий тон будет самым трудным.

— Общее благо?

— Да. Потому что люди готовы признать правду, если она не причинит им большого вреда. Они готовы помириться, если им не хватает другого человека. Но отказаться от собственной выгоды ради блага всех — это обычно самое трудное.

Третье кольцо оставалось немым несколько дней. Мариенка ходила по деревне, к мельнице, к полям, к кузнецу, к школе, но кольцо лишь иногда слабо дрожало. Тем временем колокол Добромил слабел. Однажды утром он не зазвучал совсем. Дедушка Ондрей потянул за верёвку, но из колокола раздался лишь глухой удар.

Деревня испугалась.

И тогда прибыли посланники из соседней деревни. Они принесли весть о приближающейся сильной буре. Ветер уже ломал деревья на верхних холмах и к вечеру мог обрушиться на Раславицы. Нужно было укрепить крыши, отвести скот, приготовить припасы и, главное, починить старый мостик через овраг, который во время дождя могла снести вода, отрезав часть деревни.

Но люди всё ещё спорили.

Кузнец не хотел помогать мельнику. Мельник не хотел давать доски, потому что берёт их для собственного амбара. Богатый хозяин не хотел давать своих лошадей для перевозки брёвен. У каждого была причина думать прежде всего о себе.

Третье кольцо в ладони Мариенки начало жечь.

Не жаром, а настойчивым требованием действовать.

Она выбежала на деревенскую площадь и встала на каменную ступень возле колодца.

— Послушайте! — крикнула она.

Не все её услышали. Тогда она начала петь старую песню, которую когда-то пели во время общей работы. Это была песня о том, как один несёт бревно, другой держит верёвку, третий готовит еду, а четвёртый присматривает за детьми, потому что дом не строят одной рукой.

Люди постепенно замолчали.

Мариенка подняла третье кольцо.

— Добромил не звучит, потому что ему нечего нести. Если каждый будет держаться только за своё, буря нас разъединит. Если мы объединим руки, возможно, она нас не сломит.

Первым выступил мельник.

— Я дам доски.

Потом кузнец.

— Я почию обручи и приготовлю гвозди.

Богатый хозяин долго молчал. Все смотрели на него. Наконец он сказал:

— Я дам лошадей.

Женщины предложили приготовить еду для работающих. Дети носили небольшие камни. Старики показывали, где раньше проходила старая водоотводная канава. Яно и Штефан, ещё недавно поссорившиеся братья, вместе тащили одно бревно.

Работала вся деревня.

К вечеру они починили мостик, укрепили крыши и отвели скот в безопасное место. Когда пришла буря, она была страшной. Ветер раскачивал деревья, дождь бил в окна, а овраг наполнился бурным потоком воды. Но мостик выдержал. Крыши выдержали. Деревня выдержала.

Посреди бури вдруг зазвонил колокол.

Сначала тихо.

Потом сильнее.

А в конце так ясно, что заглушил даже ветер.

Добромил звонил сам, хотя никто не тянул за верёвку.

Люди вышли к дверям с фонарями. В колокольне горел золотой свет. Мариенка стояла рядом с бабушкой и видела, как Звонимир растёт. Теперь он уже не был маленьким и слабым. Его бронзовое тело сияло, плащ из отголосков развеивался, а в глазах светилась радость.

— Третий тон вернулся, — сказал он.

Третье кольцо зазвучало глубоким голосом. Все три кольца соединились в маленькую металлическую розу, которая поднялась в воздух и вделалась во внутреннюю часть колокола.

С этого мгновения голос Добромилы стал ещё прекраснее, чем прежде.

Когда буря миновала, Раславицы не остались без ущерба. Несколько деревьев упало, несколько заборов сломалось, а один амбар лишился части крыши. Но никто не пострадал, и деревня осталась единой.

На следующий день люди собрались возле колокольни. Яно и Штефан публично помирились и договорились посадить возле межевого камня новую грушу. Зузана и Марта вместе принесли хлеб и соль. Кузнец и мельник пожали друг другу руки. Богатый хозяин, который не хотел давать лошадей, признался, что ему стало стыдно, когда он увидел, что дети охотнее несут камни.

Бабушка Ондрей положил руку на колокольную верёвку.

— Сегодня звоню не я, — сказал он. — Сегодня звонит вся деревня.

Он потянул.

Добромил зазвучал чисто, ясно и далеко. Его голос разнёсся над полями, лугами и дорогами. Говорили, что его слышали даже в соседних деревнях, и люди говорили:

— В Раславицах что-то изменилось.

И действительно, изменилось.

С тех пор возле колокольни каждый год проводили День общего голоса. Это не был большой праздник с богатыми столами. Это был день памяти. В этот день люди ремонтировали что-нибудь, служившее всем: мостик, колодец, дорогу, школу, ограду вокруг церкви или скамейки возле креста. Дети учились, что деревня — это не просто множество домов. Деревня — это то, что люди способны сделать вместе.

Мариенка выросла. Она не стала ни старостой, ни богатой госпожой. Она стала учительницей. Учила детей читать, писать и слушать. Она говорила им:

— Сначала услышь слова. Потом услышь, что скрывается под ними. И наконец услышь, что нужно всему сообществу.

Когда бабушка Ондрей состарился настолько, что уже не мог подниматься по лестнице, Мариенка стала звонарём. Перед каждым звоном она ненадолго замолкала, точно так же, как учил её бабушка.

Дети спрашивали её:

— Почему ты ждёшь?

А она отвечала:

— Потому что колокол не должен начать звучать раньше, чем сердце.

Звонимир являлся ей уже редко. Иногда она видела его в отражении металла, иногда слышала его смех в отголоске колокола. Однажды, когда она уже была взрослой, она спросила его:

— Добромил будет звучать вечно?

Хранитель голоса улыбнулся.

— Ничто на земле не звучит вечно само по себе. Каждый добрый голос нужно поддерживать правдой, примирением и общим благом.

— А если люди снова забудут?

— Тогда понадобится кто-то, кто снова научит их слушать.

И говорят, что до сих пор, когда в Раславицах звучит старый колокол и у человека спокойно на сердце, он может услышать в его голосе три тона. Первый — ясный, как правда. Вторым — мягкий, как примирение. Третий — глубокий, как общий труд. Тот, кто их слышит, знает, что тайна колокольной заключалась не в волшебном металле и не в старой шкатулке за балкой. Она заключалась в том, что ни одна деревня не может быть счастливой, если каждый слушает только самого себя.

Так закончилась сказка о Тайне колокольной в Раславицах, о Мариенке, дедушке Ондрее, Хранителе голоса Звонимире и колоколе Добромиле, который умолк, когда люди перестали слушать друг друга, и снова зазвучал, когда они нашли правду, примирение и общее благо.

А поучение этой сказки шаришские дети повторяли ещё долго:

— Голос общины чист лишь тогда, когда в нём звучит не только «я», но и «мы».

О медном петухе из Сабинова

Давным-давно, очень давно, когда Сабинов ещё был городом с узкими улочками, каменными домами, старой ратушей и рыночной площадью, где встречались купцы, ремесленники, извозчики и крестьяне из окрестных деревень, на башне ратуши стояло необычное украшение. Это был не крест, не корона, не лев и не орёл. Это был медный петух.

Он сидел высоко над крышами, обращённый к рассвету, словно каждый день ждал первого луча солнца. Он был выкован из меди, которая в ясную погоду блестела, как огненный мёд. Его гребень был гордо поднят, хвост расправлен, а глаза из тёмного стекла на закате вспыхивали таким блеском, что дети на площади говорили:

— Смотрите! Петух подмигнул!

Взрослые смеялись, но старики никогда не смеялись.

Они знали, что медный петух — не простое украшение.

По старинному сабиновскому преданию, когда-то давно его создал мастер-кузнец Ярош. Он не был самым богатым ремесленником в городе, но руки у него были настолько искусными, что он мог выковать из медного листа лист дерева, птицу, цветок и человеческое лицо. Когда городской совет спросил его, не изготовит ли он для башни орла, чтобы город выглядел могущественным, Ярош покачал головой.

— Орёл летает высоко и смотрит сверху, — сказал он. — Но городу не нужна гордыня. Городу нужен рассвет. А рассвет встречает петух.

Члены совета удивились.

— Петух? Ведь петух — обычная домашняя птица.

Ярош улыбнулся.

— Именно поэтому он мудр. Он не сидит на троне, но будит и короля, и крестьянина. Он не выбирает, кому возвестить новый день. Он кукарекает для всех.

Так на башне появился медный петух.

Но Ярош вложил в него не только медь. В металл он добавил осколок старого колокола, чтобы петух нёс голос города. Добавил кусочек сломанного плуга, чтобы тот не забывал о труде земледельцев. Добавил маленькую медную монету, которую ему подарил ребёнок из сиротского приюта, чтобы он помнил и о тех, у кого мало. А когда петух был готов, Ярош положил на него ладонь и прошептал:

— Пусть ты хранишь Сабинов от тьмы, которая приходит не извне, а из человеческих сердец.

С тех пор петух стоял на башне.

Шли годы. Менялись старосты, рынки, ремесленники и дети, игравшие у колодца. Но петух оставался. Когда ветер дул со стороны Чергова, он поворачивался и показывал направление. Когда надвигалась буря, медный лист тихо поскрипывал. Когда первый луч солнца касался его крыла, ратуша словно на мгновение вспыхивала золотым светом.

Люди говорили:

— Пока петух встречает рассвет, город не уснёт сердцем.

Но однажды настали времена, когда Сабинов начал засыпать именно там.

Не сразу. Плохое редко приходит с барабанным боем. Оно приходит тихо, словно пыль на подоконник.

Сначала на рынке купцы стали ссориться чаще, чем обычно. Один подмешивал в муку дешёвые отруби и продавал её как чистую. Другой отмерял ткань укороченным локтем, но брал полную цену. Третий обещал хороший мёд, но разбавлял его водой. Люди сердились, но при этом каждый говорил себе:

— Если обманывает он, почему я должен быть простаком?

Потом ремесленники начали оговаривать друг друга. Сапожник говорил, что шорник использует плохую кожу. Шорник, в свою очередь, утверждал, что кузнец портит гвозди. Кузнец обиделся на колесника. Колесник перестал здороваться с мельником. Мельник поднял цену за помол для бедных, а богатым делал скидки, чтобы расположить их к себе.

Дети всё это видели и учились быстрее, чем думали взрослые. Они начали насмехаться над бедными товарищами. Если у кого-то не было новых сапог, его называли грязетопом. Если кто-то приносил на обед только сухой хлеб, над ним смеялись, называя его королём крошек.

А медный петух на башне темнел.

Первым это заметил старый часовщик Микулаш. Его мастерская находилась прямо под ратушей. Всю жизнь он чинил часы, колокольчики, замки и маленькие механизмы. Его слух был настолько тонким, что он различал малейшее тиканье. Однажды утром он вышел на площадь, посмотрел на башню и нахмурился.

— Петух больше не ловит солнце, — сказал он.

Пекарь, нёсший корзину с булочками, рассмеялся.

— Может, он просто грязный.

— Грязь оседает снаружи, — ответил Микулаш. — А это темнеет изнутри.

Пекарь махнул рукой.

— Старые медные вещи всегда темнеют.

Часовщик больше ничего не сказал, но каждый день смотрел на башню. Петух становился всё тусклее и тусклее. Его гребень, который когда-то сиял красноватым блеском, стал похож на обгоревший. Глаза из тёмного стекла потеряли свой блеск. И однажды утром, когда взошло солнце, петух совсем не засверкал.

В Сабинове жил мальчик по имени Якуб. Ему было одиннадцать лет, у него были кудрявые волосы, нос, всегда немного испачканный пылью, и любопытство, которое постоянно

втягивало его в неприятности. Его отец был суконщиком, а мать продавала на рынке травы, сушёные сливы и лечебные мази. Якуб часто помогал в мастерской, но его взгляд всё время устремлялся к башне.

Медный петух с самого детства завораживал его.

Когда он был маленьким, он верил, что ночью петух слетает с башни и ходит по крышам, проверяя, не забыли ли люди закрыть окна. Когда он подрос, перестал говорить об этом вслух, но втайне всё ещё надеялся, что у петуха есть своя тайна.

Однажды он услышал, как часовщик Микулаш сказал:

— Если петух умолкнет, город перестанет слышать рассвет.

Якуб подошёл к нему.

— Мастер Микулаш, разве петух может умолкнуть? Он ведь даже не кукарекает.

Часовщик посмотрел на него поверх круглых очков.

— Не всякий голос слышат ушами.

— А чем?

— Совестью.

Это слово Якубу не понравилось. Оно звучало как что-то, чем взрослые объясняют вещи, которые не хотят объяснить по-настоящему. Но той ночью он не мог уснуть. Он думал о петухе, о том, как тот темнеет, и о том, может ли город заболеть так, что это проявится на медном украшении.

На следующее утро, ещё до рассвета, он отправился в ратушу. Он знал смотрителя, потому что его мама приносила ему травяной чай от кашля. Лестница на башню была узкой, крутой и покрытой пылью. Якуб осторожно поднимался, пока не добрался до маленькой дверцы под крышей. Он протиснулся наружу на деревянную площадку и увидел медного петуха совсем близко.

Он оказался больше, чем казался снизу.

На его боках были тонкие узоры: колосья, молот, раскрытая ладонь, глаз, звезда и маленький колокольчик. Якуб протянул руку и коснулся медного крыла.

Металл был холодным.

Вдруг раздался тихий вздох.

— Наконец-то.

Якуб едва не упал со ступеньки.

— Кто это сказал?

— Тот, к кому ты прикасаешься.

Мальчик открыл рот.

— Петух?

— Медный петух, — устало поправил его голос. — Хранитель утреннего света Сабинова. Но сегодня я не смог бы охранять даже свечу в погребе.

Якуб задрожал, но любопытство оказалось сильнее страха.

— Ты и правда умеешь говорить?

— Я говорил всегда. Просто мало кто слушал.

— Почему ты такой тёмный?

Петух некоторое время молчал. Потом сказал:

— Потому что город теряет три искры, которыми я был пробуждён: честность, смелость и добросердечие. Когда они слабеют в людях, слабеет и мой голос.

— А что случится, если ты погаснешь совсем?

— Сабинов продолжит стоять. Дома не рухнут, ворота не обвалятся. Но люди перестанут чувствовать, что принадлежат друг другу. Каждый будет строить свой дом выше, но город станет меньше.

Якуб понял это лишь отчасти, но почувствовал серьёзность этих слов.

— Как я могу помочь?

— Ты найдёшь три искры. Не в сундуках, не под землёй и не за семью горами. Они находятся в людях. Ты должен их пробудить.

— Как я их узнаю?

Петух склонил голову, и с его медного хвоста упали три маленькие чешуйки. Одна была светлой, как новое утро, вторая — красной, как уголёк, а третья — тёплой, как мёд.

— Первая засияет при честности. Вторая — при смелости. Третья — при добросердечии. Но помни, мальчик: искру нельзя зажечь силой. Она должна вспыхнуть благодаря поступку.

Якуб спрятал чешуйки в карман.

Первую искру он искал на рынке. Он думал, что честность найти легко. Достаточно найти кого-нибудь, кто не лжёт. Но именно на рынке он увидел, насколько это трудно. У одного торговца было двойное дно в сосуде для зерна. Другой растягивал ткань во время измерения, чтобы она казалась длиннее. Третий расхваливал горшки, хотя знал, что у некоторых из них слабое дно.

Якуб рассердился.

— Всех нужно наказать, — сказал он вечером петуху.

— Возможно, — ответил петух. — Но одно наказание честность не вернёт. Сначала кто-то должен показать, что честность — это не глупость.

На следующий день на рынок пришёл бедный пекарь Самуэль. Он не был самым успешным, потому что его хлеб был честным и стоил дороже, чем хлеб тех, кто подмешивал в тесто старую муку. В тот день он нашёл под столом кожаный кошель, полный монет. Никто его не видел. На эти деньги он мог бы купить лучшую печь, выплатить долги и помочь своей больной жене.

Якуб наблюдал за ним.

Самуэль открыл кошель, побледнел и быстро огляделся. Затем закрыл его и положил на стол.

— Кто потерял кошель? — крикнул он.

Никто не отозвался.

Несколько торговцев подошли ближе. Один сразу сказал:

— Я!

— Сколько в нём было? — спросил Самуэль.

Торговец замялся.

— Много.

— Какие монеты?

— Разные.

Самуэль покачал головой.

Позже пришла старая женщина, вся испуганная. Это была хозяйка постоянного двора с соседней улицы. В кошеле у неё были деньги, на которые она собиралась купить муку и соль на зиму.

— Там было двенадцать серебряных монет, шесть медных и маленькое кольцо моего мужа, — сказала она.

Самуэль вернул ей кошель.

Женщина расплакалась.

В этот момент первая чешуйка в кармане Якуба засияла. Она взлетела в воздух, словно маленькая звезда, и направилась к башне. Медный петух на мгновение поймал утренний свет.

Но Якуб увидел и кое-что другое. Торговцам, стоявшим вокруг, стало стыдно. Один из них молча убрал фальшивое дно из своего сосуда. Другой отложил кривую меру. Честность одного человека стала зеркалом для остальных.

Второй искрой должна была стать смелость.

Якуб думал, что найдёт её при тушении пожара или в сражении с разбойниками. Но дни шли, и ничего такого не происходило. Потом он заметил девочку по имени Элишка. Она была дочерью портного и ходила в школу вместе с детьми ремесленников. Она была тихой, но умной. Некоторые мальчики насмеялись над ней, потому что её отец хромотал, а семья была небогатой.

Однажды на площади мальчик постарше схватил шапку маленького сироты Палько и бросил её в грязь. Остальные дети засмеялись. Якуб тоже стоял рядом. Он хотел что-то сказать, но боялся, что тогда смеяться начнут и над ним.

Вдруг вперёд вышла Элишка.

Она не была сильной. Не была громкой. Но встала между Палько и остальными.

— Верни ему шапку, — сказала она.

Мальчик рассмеялся.

— А что ты сделаешь? Зашьёшь мне рукав?

Дети захихикали.

Элишка покраснела, но не отступила.

— Нет. Но я расскажу учителю правду. А если вы будете смеяться надо мной — пусть. Хуже смеяться над тем, кто не может защитить себя.

Якуб почувствовал укол совести. Он шагнул и встал рядом с ней.

— Она права, — сказал он. — Верни шапку.

К ним присоединились ещё двое детей. Мальчик проворчал, вытащил шапку из грязи и бросил её Палько. Это не было великим геройством с мечом, но Палько перестал плакать.

Вторая чешуйка в кармане Якуба вспыхнула красным светом.

Только тогда он понял: смелость — это не только войти в горящий дом. Иногда смелость — сказать «хватит», когда все остальные смеются.

Третья искра — добросердечие — оказалась самой трудной. Якуб видел много добрых поступков, но чешуйка оставалась тёмной. Люди помогали, когда их кто-то видел. Подавали милостыню, когда их могли похвалить. Улыбались богатым и не замечали бедных.

Зима пришла рано. Улицы Сабинова укрыл снег, а ветер забирался под пальто. На окраине города жила старая женщина по имени Бета. Когда-то она продавала на рынке яйца, но теперь болела и часто не имела чем топить. Дети боялись её, потому что она ходила сгорбившись и что-то бормотала себе под нос. Они называли её Ворчливой Бетой.

Однажды вечером Якуб нёс с рынка травы для мамы и увидел возле дома Беты маленькую девочку. Это была Таничка, дочь гончара. В руках она несла поленья. Их было немного, ровно столько, сколько она могла унести сама. Она положила их у двери, постучала и хотела уйти.

Бета открыла.

— Кто там?

— Я, — сказала Таничка. — Я принесла дрова.

— Зачем?

Девочка пожала плечами.

— Потому что у нас ещё немного есть. А вы вчера кашляли.

— Кто тебе велел?

— Никто.

— Что ты хочешь за это?

— Ничего.

Бета долго молчала. Потом её суровое лицо дрогнуло.

— Заходи. Я хотя бы дам тебе горячего чая.

Таничка вошла.

Третья чешуйка засияла так сильно, что Якубу пришлось закрыть глаза. Она была не светлой, как первая, и не красной, как вторая. Она была мягкой и тёплой. Она взлетела к башне, и медный петух весь задрожал.

Якуб побежал наверх.

Когда он добрался до площадки, петух уже не был тёмным. Медь очищалась прямо у него на глазах. Гребень засиял, крылья засветились, а глаза из тёмного стекла снова поймали отражение звёзд.

— Мы нашли их! — крикнул Якуб.

— Нет, — сказал петух. — Вы их пробудили.

— Есть разница?

— Большая. Искры в людях никогда не исчезали совсем. Они лишь были покрыты пылью равнодушия.

Вдруг город погрузился в странную тишину. Затем медный петух поднял голову и закукарекал.

Это было не обычное кукареканье. Оно было металлическим, ясным, утренним и в то же время тёплым. Оно разнеслось над площадью, улицами, дворами, мастерскими, кладовыми и крышами. Каждый человек в Сабинове услышал его по-своему.

Торговцы услышали звон честной монеты.

Ремесленники — удар хорошего инструмента.

Дети — голос, говоривший: «Не обижай слабого».

Богатые услышали вопрос: «Кому помогло твоё богатство?»

Бедные услышали надежду: «Добро не только для тех, у кого полные сундуки».

В ту ночь многие люди не спали. Не от страха, а от размышлений.

На следующий день начали происходить перемены. Пекарь Самуэль заметил, что к нему пришло больше покупателей. Не потому, что его хлеб был самым дешёвым, а потому, что ему доверяли. Торговцы на рынке проверили свои меры. Учитель ввёл в школе правило, чтобы сильные помогали слабым. Дети вычистили шапку Палько и больше не смеялись над Элишкой. Таничку, дочь гончара, стали любить не потому, что она совершила великий поступок, а потому, что показала, что значит заметить чужую нужду.

Но добро не возвращается в город без сопротивления.

В Сабинове жил богатый торговец по имени Криштоф. У него были полные склады, большой дом и всегда самый громкий голос в ратуше. Новые перемены ему не нравились. Честные меры означали меньшую прибыль. Помощь бедным означала расходы. А медный петух, который, как говорили, напоминал людям о совести, мешал ему больше всего.

— Это всего лишь кусок металла, — сказал он на заседании совета. — И если из-за него люди перестают разумно торговать, его нужно снять.

Некоторые члены совета испугались. Другие согласились, потому что Криштоф имел влияние.

Когда Якуб узнал об этом, он побежал к часовщику Микулашу.

— Они хотят снять петуха!

Микулаш нахмурился.

— Значит, пришло последнее испытание.

— Какое?

— Город должен показать, нужен ли ему хранитель только тогда, когда он служит красивым украшением, или и тогда, когда говорит неприятную правду.

На следующий день на площади собрались люди. Криштоф стоял перед ратушей и говорил:

— Мы не можем жить по суевериям! Городу нужны торговля, прибыль и порядок. Петух — это старый лист металла. Мы продадим его, а деньги потратим на новые ворота.

Толпа загудела.

Тогда вперёд вышел пекарь Самуэль.

— Когда я вернул кошель, я мог бы стать богаче. Но с тех пор у меня стало больше покупателей, потому что мне доверяют. Это тоже прибыль, господин Криштоф, только её нельзя запереть в сундуке.

Потом вышла Элишка.

— Если мы снимем с башни всё, что нас предостерегает, высокими мы останемся только снаружи.

Люди улыбнулись.

Потом подошла маленькая Таничка и протянула Криштофу одно полено.

— Это для вас, — сказала она.

Торговец растерялся.

— Для меня? Но у меня достаточно дров.

— Я знаю. Но, может быть, вы забыли, как выглядит подарок, за который ничего не хотят.

На площади воцарилась тишина.

Криштоф впервые не смог быстро рассмеяться или ответить. Он держал маленькое полено и выглядел озадаченным.

Вдруг медный петух на башне сам собой ударил крыльями о ветер. Это было не кукареканье, а чистый металлический звук. На мгновение над площадью появились три искры: честность, смелость и добросердечие. Они закружились над людьми, а затем соединились над петухом в один утренний свет.

Криштоф опустил голову.

— Возможно, я думал, что город силён, когда его склады полны, — медленно сказал он. — Но склад не поздоровается с человеком, когда тот состарится.

Он не стал сразу добрым человеком. Это было бы неправдой. Но в тот день он отозвал своё предложение. А через неделю оплатил ремонт старого колодца возле бедного квартала. Он ничего не объяснял. Просто положил деньги на стол и ушёл.

Медный петух остался на башне.

С тех пор в Сабинове появился утренний обычай. Когда первый солнечный луч касался петуха, торговцы перед началом торговли должны были проверять свои меры. Дети в школе раз в неделю рассказывали о поступке, которым кому-нибудь помогли. Ремесленники вешали над дверями маленьких медных петушков как знак честной работы.

Якуб вырос и стал часовщиком после мастера Микулаша. Он научился чинить часы, но никогда не забывал, что не всё важное тикает. Иногда самые важные вещи молчат, пока к ним не прикоснётся правильная рука.

Когда он стал взрослым, то часто водил детей на башню. Показывал им медного петуха и рассказывал:

— Это не просто украшение. Это напоминание.

— О чём оно напоминает? — спрашивали дети.

— О том, что каждое утро город заново решает, каким ему быть. Честным или лживым. Смелым или трусливым. Добросердечным или равнодушным.

— А петух нас охраняет?

Якуб улыбался.

— Он охраняет нас, напоминая, что мы должны беречь друг друга.

И говорят, что до сих пор, когда утреннее солнце освещает башню в Сабинове и медный петух начинает сиять необычным огненным светом, некоторые люди на мгновение останавливаются. Может быть, они слышат только ветер. Может быть, лишь скрип старого металла. Но те, кто умеет слушать совестью, слышат тихое кукареканье:

— Вставай. Новый день — это дар. Не испортить его ложью, страхом или равнодушием.

Так закончилась сказка о Медном петухе из Сабинова, о мальчике Якубе, часовнике Микулаше, пекаре Самуэле, смелой Элишке, добросердечной Таничке и о городе, который

понял, что его главное украшение — не медный петух на башне, а добрые поступки людей под ней.

А поучение этой сказки шаришские дети повторяли ещё долго:

— Город силен не стенами и башнями, а честностью, смелостью и добросердечием своих жителей.

Последний дракон из-под Чергова

Давным-давно, очень давно, когда черговские леса простирались над шаришской землёй, словно зелёное море, а по горным тропам ещё ходили, ориентируясь по мху, ветру и голосам птиц, под высокими вершинами лежала деревня под названием Ливовска-Гута. Она была небольшой, но крепкой. Её дома были деревянными, с гонтовыми крышами, а возле каждого росло хотя бы одно фруктовое дерево. Люди жили лесом, полями, овцами и трудом собственных рук.

Над деревней возвышался Чергов. Днём он был прекрасен, пах хвоей, буковыми листьями и грибами. Но ночью становился другим. Тёмные деревья стояли, словно стражи, скалы превращались в спящих зверей, а ветер среди ветвей говорил на языке, который понимали только старые пастухи, травницы и те, кто не боялся тишины.

О Чергове рассказывали множество историй.

О волках, которые были не волками.

О лесных женщинах с волосами из зелёной травы.

О каменных великанах, спящих под горными хребтами.

А самой таинственной из всех была история о последнем драконе.

Говорили, что его звали Ветрор.

Он не был драконом, который сжигает деревни, похищает принцесс или сторожит золото в пещере. Старики говорили, что таких драконов придумали те, кто боялся всего, чего не понимал. Ветрор был другим. Он был драконом гор. Его чешуя была цвета старой листвы, крылья — широкими, как грозовые тучи, а глаза — зелёными, как глубокие леса после дождя. Говорили, что его дыхание было не обычным огнём. Оно умело согревать скалы зимой, рассеивать

ядовитый туман, пробуждать спящие в земле семена и зажигать свет в пещерах, где человек иначе заблудился бы.

Когда-то, говорили, драконов было больше. Каждый охранял что-то своё. Один — родники, другой — ветер, третий — горные перевалы, четвёртый — семена деревьев, пятый — память камней. Но со временем люди начали бояться драконов. Потом стали бояться ещё сильнее, потому что рассказывали о них всё более страшные истории. А когда человек боится достаточно долго, он часто начинает нападать раньше, чем поймёт.

Драконы ушли.

Некоторые превратились в скалы.

Некоторые улетели за море.

Некоторые уснули глубоко под горами.

Только Ветрор остался под Черговым, потому что любил землю, которую охранял.

По крайней мере, так рассказывал старый лесник Юрай.

У Юрая был внук по имени Ондрей. Ему было двенадцать лет, у него были тёмные волосы, живые глаза и вопросы, на которые нельзя было легко отмахнуться. Когда ему говорили: «Так оно и есть», Ондрей сразу спрашивал: «Почему?» Когда ему говорили: «Так было всегда», он спрашивал: «А кто это помнит?» Когда ему говорили: «Не вмешивайся», он становился ещё внимательнее.

Он жил с матерью, которая ткала полотно, и с дедушкой Юраем, который когда-то служил лесником. Отец умер, когда Ондрей был ещё маленьким, и поэтому дедушка стал его учителем леса, погоды, следов и молчания.

Юрай учил его, что лес — это не склад древесины.

— Лес — это живой дом, — говорил он. — Он не мой и не твой. Мы в нём всего лишь гости с короткой памятью.

Ондрей учился различать след косули и след оленя, голос сойки и крик ворона, молодой бук и молодой клён. Но больше всего он любил дедушкины рассказы о Ветропе.

— Вы когда-нибудь его видели? — спрашивал он.

Дедушка всегда ненадолго замолкал.

— Целиком — нет.

— Хотя бы часть?

— Однажды я видел тень над хребтом. Огромную тень. И под ней ветер повернул навстречу буре.

— Это мог быть орёл.

— У орла не бывает крыльев шириной с ночь.

Ондрей мечтал найти доказательство. Не для того, чтобы посмеяться над теми, кто не верил. Он хотел узнать правду. Он чувствовал, что история о последнем драконе — это не просто сказка у печи.

В один год в Чергове начали происходить странные вещи.

Сначала из леса ушли олени. Не все, но из одной части гор исчезли полностью. Потом возле Каменного Зуба перестали гнездиться птицы. Каменный Зуб был острой вершиной над долиной, похожей на зуб огромного существа, торчащий из земли. Пастухи заметили, что собаки не хотят туда идти. Даже медведи, которые обычно ходили старыми тропами, изменили свой путь.

Потом над Каменным Зубом появился зелёный свет.

Не каждый вечер. Не регулярно. Иногда всего лишь на мгновение. Но он был там. Он исходил из-за скал, словно дыхание светлячков, только гораздо более яркое. Люди в деревне испугались.

— Это злой огонь, — сказал кузнец.

— Может быть, под землёй открылся ад, — шептала одна женщина.

— Может быть, дракон вернулся, — тихо сказал кто-то.

В тот вечер дедушка Юрай долго стоял перед домом и смотрел в сторону Чергова.

Ондрей встал рядом с ним.

— Это Ветрор?

— Не знаю.

— Но ты так думаешь.

— Я думаю, что проснулось что-то древнее.

— И что мы будем делать?

Юрай посмотрел на внука.

— Сначала подождём и будем наблюдать.

Это был ответ, который Ондрею не нравился. Ожидание казалось ему бездействием. Но дедушка всегда говорил, что поспешные ноги могут причинить больше вреда, чем ленивые.

На следующий день в деревню пришёл чужой человек. Его звали Радослав Крутина. На нём был дорогой плащ, кожаные сапоги, а за поясом висел кинжал с латунной рукоятью. Он утверждал, что торгует рудой и ищет в горах старые шахты. С собой он привёл четырёх мужчин с топорами, железными ломами и повозкой с инструментами.

На деревенской площади он сказал:

— Под Каменным Зубом находится старая жила зелёного металла. Если мы её вскроем, деревня разбогатеет. У вас будет работа, деньги и новые дороги.

Некоторые хозяева заинтересовались. Деньги всегда были нужны.

Но дедушка Юрай подошёл ближе.

— Каменный Зуб — не место для раскопок.

Радослав улыбнулся.

— Почему же, старик? Там спят твои сказки?

Некоторые засмеялись.

Юрай спокойно ответил:

— Некоторые места удерживают гору. Если человек безрассудно ударит по ним, гора ответит.

Радослав махнул рукой.

— Горы не отвечают. В горах есть камень. А камень принадлежит тому, кто умеет им воспользоваться.

Ондрей стоял в стороне и чувствовал, как тревога поселяется у него в груди. Радослав говорил не как человек, который хочет понять горы. Он говорил как человек, который хочет открыть их, словно сундук.

В ту ночь зелёный свет над Каменным Зубом появился снова. Ещё сильнее.

Ондрей решил.

Он не пойдёт сразу к дракону. Не пойдёт сражаться. Он пойдёт узнать, что происходит. Он взял рюкзак, хлеб, сыр, маленький нож, дедушкину свирель и старую шерстяную шапку. Его пёс Гривко, серый и лохматый, присоединился к нему без приглашения.

— Ты всегда знаешь, когда я собираюсь сделать что-то запретное, — прошептал Ондрей.

Пёс завил хвостом.

Дорога к Каменному Зубу была долгой. Лес был тихим. Не красивым, а тревожно тихим. Словно зверь затаил дыхание. Ондрей нашёл следы людей Радослава. Они вели к скалистей расщелине. Там он увидел свежую трещину в камне, а рядом с ней — железные клинья.

Кто-то уже начал вскрывать скалу.

Из трещины исходили зелёный свет и глубокий звук.

Дыхание.

Ондрей приблизился. Гривко зарычал, но не убежал. Внутри трещины были ступени. Древние, высеченные в скале. Они появились не вчера. Их создали не люди Радослава. Им, должно быть, были сотни лет.

Ондрей зажёл небольшую смоляную щепку и спустился вниз.

Ступени вели глубоко. Стены были покрыты странными знаками: спиралями ветра, листьями, драконьими глазами, крыльями, корнями деревьев и маленькими человеческими ладонями. Чем глубже он спускался, тем теплее становился воздух. Там не было душно. Скорее царило приятное тепло, какое бывает возле печи после того, как в ней испекли хороший хлеб.

Наконец проход открылся в огромную пещеру.

В её центре лежал дракон.

У Ондрея перехватило дыхание.

Ветрор был огромным, но не выглядел чудовищем. Его длинное тело покрывали чешуйки цвета мха, меди и старой листвы. Крылья были сложены вдоль боков. На спине росли отростки, похожие одновременно на корни и рога. Из ноздрей выходил зеленоватый пар. Один глаз был закрыт, другой приоткрыт.

Когда он посмотрел на Ондрея, мальчику показалось, будто на него смотрит весь лес.

— Человек, — раздался голос.

Это было не шипение. Не рёв. Это был глубокий звук, словно скалы под землёй научились говорить.

Ондрей хотел отступить, но ноги его не слушались.

— Я... меня зовут Ондрей.

Дракон некоторое время молчал.

— От тебя пахнет кровью Юрая.

— Вы знаете моего дедушку?

— Я знаю его молчание. Когда-то он слышал меня и никому не рассказал.

Ондрей открыл рот.

— Значит, вы действительно существуете.

Дракон очень медленно поднял голову.

— А ты действительно пришёл без копья.

— У меня нет копья.

— Это хорошее начало.

Ондрей немного осмелел.

— Почему животные избегают Каменного Зуба? Почему появляется зелёный свет? И почему вы просыпаетесь именно сейчас?

Ветрор закрыл глаз и снова открыл его.

— Потому что люди ударили в корень горы.

— Радослав?

— Тот, у кого руки полны железа, а глаза — пустой жажды.

— Он хочет добывать зелёный металл.

Дракон выдохнул пар.

— Это не металл для мечей или монет. Это жила живого камня. Она хранит сон горы и память ветра. Если её вырвут, склоны обрушатся, родники изменят путь, леса заболеют, а долины услышат гнев скалы.

Ондрей почувствовал страх.

— Мы должны их остановить.

Дракон попытался подняться, но задрожал и снова опустился.

Только теперь Ондрей заметил, что одна драконья лапа ранена. Между чешуями застрял железный клин. Наверное, один из тех, которыми люди Радослава расширяли трещину.

— Вы ранены.

— Железо без уважения обжигает глубже огня.

Ондрей подошёл ближе.

— Я могу помочь?

Ветрор долго смотрел на него.

— Человеческая рука ранила меня. Человеческая рука может вытащить клин. Но если ты лёжешь, моё дыхание распознает ложь.

— Я не лгу.

Ондрей схватил клин. Он был горячим, но не настолько, чтобы мальчик его отпустил. Он потянул. Гривко тихо скулил. Клин держался крепко. Мальчик обмотал руки платком и потянул снова. Металл сдвинулся. Дракон задержал дыхание, и вся пещера задрожала. Наконец клин вышел.

Из раны потекла не кровь. Из неё вырвались зелёный свет и запах смолы.

Ветрор закрыл глаза.

— Благодарю тебя, сын человека.

— Меня зовут Ондрей.

— Имя я уже слышал. Теперь я узнал поступок.

Дракон положил перед ним небольшую чешуйку. Она была зелёной и тёплой.

— Возьми её. Не как трофеей. Как доказательство, когда будешь говорить с теми, кто ещё умеет слушать.

Ондрей вернулся в деревню только вечером. Дедушка Юрай сидел перед домом, словно ждал его.

— Ты был у него.

Ондрей кивнул.

— Он ранен. Радослав хочет вскрыть живой камень. Если он это сделает, гора может обрушиться.

Юрай взял драконью чешуйку в руки. Его лицо дрогнуло.

— Значит, пришло время созвать людей.

На следующий день деревня собралась на площади. Ондрей рассказал обо всём. О трещине, ступенях, драконе, живом камне и опасности. Одни поверили ему. Другие — нет. Радослав смеялся громче всех.

— Мальчик нашёл пещеру и придумал дракона, чтобы напугать деревню. Зелёный камень — это богатство. Если вы оставите его под землёй, то навсегда останетесь бедными.

Ондрей достал драконью чешуйку. Она засияла на солнце.

Люди замолчали.

Радослав побледнел лишь на мгновение, но быстро пришёл в себя.

— Красивый камень. Не более того.

Дедушка Юрай вышел вперёд.

— Если это ничто, почему ты боишься к нему прикоснуться?

Радослав рассердился и схватил чешуйку. В тот же миг его ладонь почернела от сажи, хотя больше никого чешуйка не обжигала. Мужчина выронил её и выругался.

Люди начали шептаться.

Радослав понял, что словами проигрывает. Поэтому ночью он решил действовать. Вместе со своими людьми он отправился к Каменному Зубу раньше, чем деревня успела бы его остановить. Он хотел быстро вырвать живой камень и увезти его.

Ондрей проснулся от рычания Гривко. Издалека доносился металлический грохот.

— Дедушка!

Юрай поднялся сразу.

В лес отправились Ондрей, Юрай, несколько пастухов, кузнец, травница Милота и другие смелые люди. Когда они добрались до Каменного Зуба, люди Радослава уже расширили трещину. Из скалы исходил такой сильный зелёный свет, что освещал деревья. Земля дрожала.

Радослав стоял возле жилы живого камня. Она была прекрасной. Зелёной, прозрачной и пульсирующей.

— Ещё немного! — кричал он. — Ещё один клин!

Ондрей бросился вперёд.

— Остановитесь!

Радослав обернулся.

— Поздно, мальчик.

Его человек ударил молотом.

Гора загудела.

Из леса взлетели птицы. Скалы на склоне начали трескаться. Деревья стали наклоняться.

Вдруг из трещины раздался рёв.

Не злой.

Это был голос боли.

Ветрор вышел из пещеры. Он двигался медленно, раненый, но огромный. Его крылья расправились и заслонили зелёный свет. Люди Радослава бросили инструменты и отступили.

Но Радослав вытащил кинжал.

— Если ты настоящий, то стоишь дороже этого камня.

Дракон посмотрел на него с печалью.

— Как низко может пасть человек, который всё измеряет ценой.

Радослав бросился вперёд, но Ондрей преградил ему путь.

— Нет!

Мужчина оттолкнул его. Гривко залаял и вцепился зубами в его плащ. Радослав споткнулся и упал. Кинжал отлетел в траву.

Но живой камень уже был повреждён. Из трещины вырвался зелёный вихрь. Гора начала пробуждаться опасным образом. Если бы сила не высвободилась правильно, склон обрушился бы на долину.

Ветрор расправил крылья.

— Я должен запечатать корень горы.

— Как? — крикнул Ондрей.

Дракон посмотрел на него.

— Последний дракон получает последнее предназначение не для того, чтобы выжить. Он получает его для того, чтобы выжил край.

Ондрей понял, и сердце у него сжалось.

— Нет! Должен быть другой способ!

Юрай положил руку внуку на плечо.

— Иногда защитник оберегает, становясь частью того, что любит.

Ветрор начал медленно меняться. Его чешуя сияла, крылья становились прозрачными, а дыхание превращалось в ветер. Это была не смерть, как у человека. Это было превращение.

— Ондрей, — сказал дракон, — скажи людям, что страх превращает друзей в чудовищ, а жадность превращает дары в добычу. Пусть они учатся различать.

— Скажу, — прошептал Ондрей.

— И ты, внук Юрая, не забывай: не всё древнее нужно пробуждать, не всем сокрытым нужно владеть и не всё могущественное нужно побеждать.

Затем Ветрор вошёл в трещину.

Зелёный свет взметнулся к небу. Ветер закружился между деревьями, но не ломал их. Скалы загудели, но не обрушились. Жила живого камня запечаталась драконьим светом. На месте трещины возникла гладкая каменная стена, на которой сиял силуэт драконьего крыла.

Радослав стоял на коленях, бледный и молчаливый.

Никому не пришлось его бить. Никому не пришлось его ругать. Он видел, что едва не натворил. А некоторые проступки тяжелее любого наказания.

Деревня решила, что он должен уйти и использовать своё имущество на ремонт дорог и устранение ущерба в окрестных поселениях. Радослав согласился. Не из благородства, по крайней мере не сразу. А потому, что впервые понял границу, которую человек не должен переступать.

С тех пор Каменный Зуб изменился. На его склоне остался знак драконьего крыла. Со временем животные вернулись. Птицы снова стали вить гнёзда, а олени ходили старыми тропами. Только над вершиной иногда, в ветреные ночи, появлялся зелёный свет. Не опасный. Спокойный.

Ондрей вырос и стал лесником, как его дед. Но он был не только хранителем деревьев. Он был хранителем истории. Каждую весну он водил детей к Каменному Зубу и показывал им гладкую скалу с очертанием крыла.

— Здесь покоится Ветрор, — говорил он.

Дети спрашивали:

— Он умер?

Ондрей отвечал:

— Он превратился.

— Во что?

— В покой горы. В ветер, предупреждающий о буре. В тишину, которая говорит человеку, что он уже взял достаточно.

— Дракон был добрым?

— Он был живым. А живых существ нельзя делить только на добрых и злых по тому, боимся мы их или нет.

Это была самая важная фраза, которую слышали дети.

С тех пор в Ливовской Гуте учили, что смелость — это не напасть на нечто большое и неизвестное. Смелость — приблизиться с уважением. Что мудрость — не в том, чтобы вскрыть каждую скалу, потому что она, возможно, скрывает богатство. Мудрость — знать, какая скала должна остаться закрытой. И что богатство — это не всегда то, что можно увезти на повозке. Иногда богатство — это гора, которая стоит, лес, который дышит, и история, которая учит детей не быть жадными.

Дедушка Юрай прожил ещё несколько лет. Когда он уже не мог ходить далеко, то сидел перед домом и слушал ветер. Однажды вечером он сказал Ондрею:

— Я слышу его.

— Ветрора?

— Да. Он не говорит словами. Но гора спокойна.

После смерти Юрая Ондрей положил на его могилу маленькую зелёную чешуйку, которую когда-то подарил ему дракон. Утром чешуйки там уже не было. На её месте выросло маленькое растение с листьями, блестящими, как драконий металл. Никто не знал, что это за трава. Милота говорила, что она лечит не тело, а напоминает сердцу об уважении.

И говорят, что до сих пор человек, отправившийся в Чергов с чистыми намерениями, может ветренным вечером услышать возле Каменного Зуба глубокое дыхание. Одни скажут, что это всего лишь ветер в скале. Другие — что под землёй трещат старые корни. Но те, кто знает эту историю, понимают, что последний дракон из-под Чергова не ушёл совсем.

Он лишь стал тем, что всегда любил.

Горой.

Ветром.

Лесом.

И тихой границей между необходимостью и жадностью.

Так закончилась сказка о Последнем драконе из-под Чергова, о мальчике Ондрее, старом леснике Юрае, жадном Радославе и драконе Ветроре, который был не врагом людей, а хранителем края, пока люди не поняли, что не каждая тайна должна попасть в человеческие руки.

А поучение этой сказки шаришские дети повторяли ещё долго:

— Не всем сокрытым нужно владеть. И не всё, чего мы боимся, является злом.

Девушка из туманов над Бусовом

Давным-давно, очень давно, когда над северным Шаришем ещё простирались густые леса и люди ориентировались не только по солнцу и церковным колоколам, но и по пению птиц, запаху ветра и тишине гор, над этим краем возвышалась гора Бусов. Она не была самой высокой из всех вершин, но казалось, что помнит больше остальных. Её склоны были крутыми, леса — густыми, а луга так хорошо скрытыми, что человек мог пройти мимо них даже трижды, если не знал правильной тропы.

О Бусове говорили, что у него есть своё настроение.

Иногда он был ясным и открытым. Тогда на его хребтах сияло солнце, а с лугов доносился звон овечьих колокольчиков. Но бывало и иначе — гора окутывалась туманами. Эти туманы были не похожи на обычную дымку после дождя. Они появлялись внезапно, даже когда небо было чистым. Поднимались из седловин, спускались по склонам, окутывали деревья и переливались через камни, словно тихое белое море.

Старики говорили:

— Когда Бусов выпускает туман, он не хочет скрыть дорогу. Он хочет показать, у кого в сердце живёт покой.

Дети этого не понимали. Для них туман был просто туманом. Но пастухи, травницы и лесорубы знали, что на Бусове нельзя насмехаться над тем, чего не понимаешь.

Под Бусовом лежала деревня Регетовка. Она была небольшой, но полной жизни. Люди разводили овец, собирали травы, сушили грибы, выращивали картофель, а зимой рассказывали сказки у печей. В одной избушке на краю деревни жила девочка по имени Зора.

Зоре было тринадцать лет. У неё были тёмные волосы, серые глаза и необычный дар. Она никогда не терялась в тумане. Когда туман окутывал лес и даже взрослые беспомощно останавливались на тропе, Зора всегда знала, куда идти. Она смотрела не только глазами. Она слушала, как капает вода, чувствовала запах мха, ощущала, откуда дует ветер, и знала, что у каждого леса есть своё дыхание.

Её бабушка Анна говорила:

— Зора не идёт сквозь туман. Она разговаривает с ним.

Зора смеялась.

— Бабушка, туман не разговаривает.

Анна только улыбалась.

— Так говорят те, кто никогда его не слушал.

Зора жила с бабушкой, потому что её родители умерли, когда она была ещё маленькой. Анна была травницей. Она знала растения, которые лечат кашель, раны, жар и даже печаль. Зора помогала ей собирать чабрец, тысячелистник, зверобой, подорожник и ягоды можжевельника. О каждом растении Анна учила её не только названию, но и мере.

— Никогда не собирай всё в одном месте, — говорила она. — Оставь что-нибудь пчёлам, что-нибудь земле и что-нибудь следующему году.

— А если нам нужно много? — спрашивала Зора.

— Тогда ищи в разных местах. Жадность часто переодевается в нужду.

Зора запомнила эти слова, хотя в детстве ещё не до конца понимала их смысл.

Однажды вечером, когда туман спустился уже к первым домам деревни, Зора и Анна сидели у печи. Снаружи было тихо, только потрескивали дрова, а в окно стучали мелкие капли.

— Бабушка, — спросила Зора, — почему я никогда не теряюсь в тумане?

Анна перестала размешивать чай. Долго молчала. Потом встала, открыла старый сундук и достала маленький серебряный кулон. Он был в форме капли, а внутри был выгравирован знак, напоминавший облако и глаз.

— Он принадлежал твоей прабабушке, — сказала она. — А до неё — её матери.

— Что это?

— Туманный глаз.

Зора засмеялась.

— Это звучит как сказка.

— Очень многие истины сохранились только потому, что притворялись сказками.

Анна вложила кулон ей в ладонь. Он был холодным, но вскоре согрелся.

— В нашей семье рассказывают, что одна из твоих прабабушек помогла Туманной Госпоже Бусова. Туманная Госпожа не была ни человеком, ни обычной феей. Она была хранительницей туманов. Она оберегала горные тропы от тех, кто приходил с дурными намерениями. Она помогала путникам, заблудившимся без своей вины, но сбивала с пути тех, кто хотел брать, разрушать или обманывать.

— И что случилось потом?

— Никто точно не знает. Говорят только, что с тех пор в нашей семье иногда рождается ребёнок, который слышит дорогу в тумане.

Зора крепко сжала кулон.

— Ты думаешь, что это я?

Анна грустно и с гордостью улыбнулась.

— Я не думаю. Я знаю.

Через несколько дней в Регетовку пришёл чужеземец. Его звали Бальтазар. На нём было дорогое пальто, высокие сапоги, а голос звучал гладко, словно только что наточенный нож. Он пришёл с тремя помощниками, двумя мулами и картами, свёрнутыми в кожаный футляр.

На деревенской площади он объявил:

— Под Бусовом скрыта Золотая Палата. Древнее сокровище, о котором знают только образованные люди. Если вы поможете мне найти к ней путь, деревня разбогатеет.

Некоторые жители рассмеялись. Другие насторожились. Деньги были соблазнительны, особенно после плохого урожая.

Бальтазар разложил карту на столе в трактире. Он показывал знаки, линии и старинные буквы.

— Вот здесь, — сказал он, — между тремя скалами и Туманной седловиной. Палата наверняка находится там.

Старый пастух Михал покачал головой.

— В тех местах не копают.

— Почему?

— Потому что там туман приходит даже при солнце.

Бальтазар улыбнулся.

— Туман — не страж. Это всего лишь погода.

Анна, пришедшая купить соли, тихо сказала:

— Не всякая погода бывает пустой.

Бальтазар вежливо поклонился ей, но в его глазах мелькнула насмешка.

В следующие дни его люди ходили по склонам Бусова. Они делали замеры, помечали деревья, копали возле скал и искали вход в Палату. Каждый раз, когда они приближались к Туманной седловине, появлялся туман. Густой, белый, непроницаемый. Люди возвращались вспотевшими, сердитыми и испуганными. Однажды они вернулись без одной лопаты. В другой раз — без карты. В третий — целый день ходили кругами и оказались там же, откуда вышли.

Бальтазар узнал о Зоре.

Однажды вечером он пришёл к их избушке. Анна сидела перед дверью и перебирала травы.

— Я слышал, — сказал он, — что ваша внучка знает дорогу в тумане.

Анна даже не подняла глаз.

— Она знает дорогу только тогда, когда сама дорога добрая.

Бальтазар достал кошелек.

— Я заплачу. Мне нужно, чтобы она провела нас к Туманной седловине.

Зора стояла за дверью и слушала.

Анна спокойно ответила:

— Нет.

— Заплачу вдвое.

— Нет.

— Втрое больше. У вашей избушки могла бы быть новая крыша.

Анна наконец подняла глаза.

— Крыша, купленная предательством горы, протекает даже в солнечный день.

Улыбка исчезла с лица Бальтазара.

— Старые женщины часто мешают прогрессу.

— А жадные мужчины слишком часто принимают грабёж за прогресс.

Он ушёл, не сказав больше ни слова.

В ту ночь туман спустился к самой избушке. Зора проснулась от тихого зова. Он не был громким. Он даже не был словом. Скорее это было ощущение, что нечто просит её выйти наружу.

Она надела плащ и взяла кулон. Анна сидела у печи, словно и не спала.

— Идёшь? — спросила она.

— Должна.

— Не бойся тумана. Бойся лишь того, что однажды перестанешь слушать.

Зора вышла.

Перед избушкой стояла девушка. На вид ей было примерно столько же лет, сколько Зоре, но она не была обычным человеком. Волосы у неё были белыми, как утренний туман, глаза — серебряными, а платье колыхалось так, словно было соткано из облаков. Когда она двигалась, вокруг неё мерцали мелкие капли.

— Меня зовут Лиора, — сказала она.

— Ты Туманная Госпожа?

Девушка мягко улыбнулась.

— Нет. Я её дочь, рождённая из последнего тумана. Госпожа стара и слабеет. Бусову нужна помощь.

— Из-за Бальтазара?

— Да.

— Под горой действительно есть сокровище?

Лиора кивнула.

— Есть. Но не такое, какое он ищет.

Зора последовала за ней в туман. Они шли по тропам, которые появлялись лишь тогда, когда на них ступала нога. Деревья казались мягкими очертаниями, камни светились изнутри, а тишина была такой глубокой, что Зора слышала собственное сердце.

Наконец они пришли на луг, которого не было ни на одной карте. Там росли белые цветы, раскрывавшиеся только в тумане, а посреди луга стоял круг из двенадцати камней. В центре круга парил небольшой светящийся шар.

— Это Сердце туманов, — сказала Лиора. — Оно не из золота. Это кристалл, который сохраняет равновесие Бусова. Из него рождаются туманы, защищающие землю от засухи, родники от жары, а тропы — от людей с дурными намерениями. Если Бальтазар вырвет его из земли, туман исчезнет. Возможно, не сразу. Но постепенно. Луга высохнут, травы пропадут, и люди поймут, что сокровище, которым они хотели владеть, было гораздо ценнее там, где находилось.

— Как мы его остановим?

— Не силой, — сказала Лиора. — Туман побеждает не ударом. Туман учит видеть иначе.

Зора не понимала, но чувствовала, что это будет не такое приключение, в котором герой берёт меч и побеждает злодея.

На следующий день Бальтазар объявил, что снова отправится на Бусов. На этот раз у него было больше людей и железных орудий. Некоторые жители деревни присоединились к нему. Не потому, что были злыми, а потому, что их соблазняла возможность разбогатеть.

Зора встала на деревенской площади.

— Не ходите с ним, — сказала она. — То, что он ищет, — не сокровище для людей. Это сердце горы.

Бальтазар рассмеялся.

— Девочка поговорила с туманом и теперь хочет давать советы мужчинам.

Несколько человек тоже засмеялись. Зоре стало стыдно, но она не отступила.

— Если вы его вынете, Бусов заболеет.

Один хозяин нахмурился.

— А если там действительно золото?

— Тогда спросим себя, — сказала Зора, — принадлежит ли нам всё, что мы способны найти.

Этот вопрос повис в воздухе.

Бальтазар махнул рукой и отправился в путь.

Зора знала, что должна идти за ним. К ней присоединились Анна, пастух Михал, почтальон Самуэль, двое молодых лесорубов и несколько детей, которые верили ей больше, чем взрослые. Туман окружил их сразу за первым склоном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.